

УДК 811.161.1'367.625

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ ГЛАГОЛА: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕМАНТИКИ

С.В. Мкртычян

Рассматривается проблема аспектуальности вида русского глагола в современных лингвистических концепциях, которые основываются на интерпретативном подходе, предполагающем привлечение прагматического контекста, что существенно расширяет границы системной лингвистики; обсуждаются трудные случаи семантизации вида с привлечением экспериментального материала.

Ключевые слова: грамматическая категория, аспектология, вид глагола, интерпретативный подход, конкуренция видов, субъективность, имплицитность, эксперимент.

Интерпретация семантики совершенного (далее – СВ) и несовершенного вида (далее – НСВ) русского глагола на протяжении истории языка с момента появления до настоящего времени представляет собой нерешённую проблему аспектологии. Категория вида, пришедшая на смену разветвлённой системе времён (аориста, перфекта, плюсквамперфекта), совместила в себе и качественные, и количественные характеристики действия, столь многочисленные и порой трудно эксплицируемые, что породила фактом своего возникновения острые научные дискуссии. Многочисленные изыскания грамматистов, начиная с XVII в. (с работ М. Смотрицкого и Ю. Скрижанича), т.е. с момента формирования категории вида, зачастую носят сугубо теоретический характер. В целом они направлены на выявление и описание типовых укрупнённых значений вида глагола, которыми отнюдь не исчерпывается всё многообразие семантических нюансировок отдельных видовых пар. Попытки систематизировать, классифицировать и упорядочить массив типичных употреблений вида, безусловно, заслуживают внимания, поскольку именно такого рода рафинированное знание позволяет заложить фундамент содержательного аспекта категории вида как грамматической категории и, если вести речь о лингводидактике, используется в методике русского как иностранного.

Наряду с этим следует помнить о том, что любое слово – это «живая» субстанция и любая грамматическая категория тоже «живая» и поэтому может демонстрировать такие ситуации употребления, в которых нарушены сущностные принципы идеальной грамматической категории (в частности, соответствие известного грамматического значения определённому грамматическому способу). Мы исходим из того, что употреблённое слово является «живым» (о концепции «живого» слова см.: [Залевская 2011: 21–24]). «Живое слово» – это «достояние пользующегося языком человека, продукт переработки человеком его опыта познания и общения, средство доступа к образу мира индивида, орудие социальной и индивидуальной деятельности человека». Оно обладает изначальной предметностью; может возбуждать

представление о вещи со всеми её признаками; позволяет думать о действительности (помогает формировать мысль); обеспечивается взаимодействием сенсорики, интеллекта и эмоционально-оценочных переживаний; *отличается от слова, каким оно представлено в словаре.*

Только реальное высказывание способно дать «живое» пристрастное знание, противопоставленное искусственному, мёртвому, механическому (см. о концепции «живого» знания В. П. Зинченко [Зинченко 1998: 22–40]). Концепция «живого» слова перекликается с пониманием «живого» знания у В. П. Зинченко, который характеризует его так: «живое знание отличается от мертвого или ставшего знания тем, что оно не может быть усвоено, оно должно быть построено. Построено так, как строится живой образ, живое слово, живое движение, живое, а не мертвое, механическое действие»; «в нем слиты значение и укорененный в бытии личностный, аффективно окрашенный смысл»; «живое знание принципиально неполно, открыто, трудно доказуемо»; «можно было бы живое знание характеризовать и как "опытное знание", придав слову "опыт" его давний возвышенный, а не нынешний обыденный смысл, неотличимый от затасканного слова "практика"» [Зинченко 1998: 22, 23, 40].

Каждый факт языкового использования окутан сетью смысловых векторов, которые обусловлены его различными компонентами. Все они создают некую смысловую перспективу, которая имеет «горизонты интерпретации», поэтому с трудом интерпретируется даже носителями языка. Иными словами, в языке имеются значимые исключения, толкование которых не вполне очевидно не только для рядовых носителей русского языка, но даже для студентов, обучающихся по направлению «Лингвистика». По-видимому, выбор той или иной формы в практике реального использования языка регулируется целым набором факторов и условий (коммуникативных, образных, стилевых, прагматических и т.д.). Здесь трудно говорить о системе строго заданных статичных правил. Прагматически ориентированная грамматика предоставляет исследовательское поле, границы которого значительно шире, чем собственно семантические интерпретации грамматики.

Переходя к обсуждению вопросов, связанных с семантикой аспектуальности, сначала обсудим некоторые теоретические положения, касающиеся трудных случаев аспектологии. Далее перейдём к материалам небольшого экспериментального исследования, направленного на выяснение того, как различают сложные видовые корреляции магистранты-переводчики, у которых хорошо развитое чувство языка (в первую очередь родного) составляет основу профессиональной компетентности.

В качестве преамбулы обратимся к краткому экскурсу в историю вопроса о семантике вида. Сущность предлагаемых концепций по этому вопросу сводится к следующим позициям.

1. Категория вида обозначает распределение действия во времени (Ф.И. Буслаев, А.Х. Востоков, А.А. Потеня): начало, конец или середина действия.

2. Вид определяет способ протекания действия, его отношение к завершённости (В.А. Богородицкий), к результативности (А.А. Шахматов, вслед за ним С.О. Карцевский, И.П. Мучник), целостность действия или точечность (Ф. де Соссюр, А.М. Пешковский).

3. Вид выражает действие в отношении к его пределу (В.В. Виноградов, Е.А. Земская, Р.О. Якобсон): «В понятии совершенного вида основным признаком является признак предела действия, достижения цели, признак ограничения или устранения представления о длительности действия»; «обозначение действия в его течении, не стеснённом мыслью о пределе процесса в целом, – основное, общее значение несовершенного вида» [Виноградов 1972: 368].

В академической «Русской грамматике-80» поддерживается идея предельности: «Значение ограничения действия пределом свойственно всем глаголам совершенного вида» [Русская грамматика 1980: 583]. Официальная точка зрения не лишена уязвимых мест: во-первых, существуют глаголы СВ со значением начала действия (*заговорил, зашептал, запел*); во-вторых, не все действия обладают пределом (*поблудил, охладил*), наконец, этой закономерности не подчиняются так называемые «мгновенные» действия (*вздрагнул, вспыхнул*).

На современном этапе развития лингвистики, который характеризуется интегративностью научного знания, осмысление категории вида приобретает перспективы, связанные с теорией референции, прагматикой, лексикой. Семантика вида глагола тесно взаимодействует со всей структурой высказывания, грамматический уровень обусловлен словообразовательным, лексическим, прагматическим: исследование отдельных единиц различных уровней языка обогащается исследованием смысла высказывания с его прагматическим контекстом.

М.Я. Гловинская в докторской диссертации «Теоретические проблемы видо-временной семантики русского глагола» обосновывает целесообразность смыслового (или интерпретационного) подхода к изучению категории вида. Критика признакового подхода не означает, что дискредитируется сама идея семантических признаков. Смысловой подход дополняет (но не исключает) традиционный признаковый подход, поскольку обладает целым рядом неоспоримых достоинств: «он вернее отражает языковую интуицию говорящих», «поддается проверке, потому что может заменить толкуемую единицу в тексте без разрушения связности последнего», «толкования позволяют эксплицировать законы взаимодействия значений в связном тексте» [Гловинская 1986: 5].

Семантика вида трактуется как комплексное явление. Идея М.Я. Гловинской заключается в том, что «невозможно выводить частные значения из главных, описывая их как контекстно обусловленные варианты последних», что доказано на основе полных толкований частных видо-временных значений, а также на основе исследования прагматических, семантических, лексических,

морфологических, синтаксических и просодических условий их реализации [Гловинская 1986: 4].

Другой весьма плодотворный современный подход к изучению категории вида на основе синтеза теории поля, а также классической и прототипической теорий категоризации представлен в работе Е.В. Петрухиной «Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований)» [Петрухина 2009]. Е.В. Петрухина поддерживает и развивает идеи А.В. Бондарко и С.Д. Кацнельсона [Кацнельсон 1972]. Основная идея заключается в том, что в полевой организации языковых категорий отражен результат человеческого восприятия. В прототипе видится «лучший представитель (образец)» категории со всеми типичными признаками, вокруг которого группируются другие элементы категории по принципу близости к прототипу [Русская грамматика 1980: 9]. Важно отметить, что исследования отечественных лингвистов, в частности работы В.Г. Адмони (1909–1993), показали, что полевую структуру имеют не только лексические, функционально-семантические, лексико-грамматические, но и морфологические категории [Адмони 1988]. А.В. Бондарко различает универсальную «смысловую основу грамматического значения» и его «интерпретационный компонент». При этом в качестве интерпретатора выступает не человек, не этнос, а сама языковая система и языковая форма.

Обращаясь к глаголу, Е.В. Петрухина рассматривает категориальные значения (граммемы) совершенного вида (далее – СВ) и несовершенного вида (далее – НСВ) как инвариантные, соотносимые с системой частных (контекстных) значений глаголов, которые они приобретают при конкретном употреблении в тексте. Среди контекстных значений выделяются главные (прототипические), наиболее полно выражающие категориальную видовую семантику, и периферийные, испытывающие большее влияние контекста. Так как вид тесно взаимодействует с лексической семантикой глаголов, то набор частных видовых значений у разных глаголов неодинаков: выделяются прототипические глаголы, реализующие все частные значения НСВ и СВ, и непрототипические глаголы, обладающие лишь частью из них [Петрухина 2009: 36]. Например, к непрототипическим глаголам СВ относятся длительно-ограничительные дериваты, которые сочетаются с обстоятельствами *долго, два часа: просидел, проговорил*; в группу непрототипических глаголов НСВ входят семантические перфективы (которые передают неразложимые действия): *находить, съесть, прочитывать*.

В завершение беглого обзора современных концепций семантики вида нельзя не упомянуть концепцию Г.М. Зельдовича, изложенную в монографии «Прагматика грамматики» [Зельдович 2012] и выполненную в рамках интерпретативного подхода. По мнению автора, теория русского вида опирается на несколько предельно простых постулатов: (а) СВ обозначает ситуацию, которая единична; (б) её единичность возможна только во множестве других ситуаций, поэтому для успешного употребления вида необходимо мыслить хотя бы еще одну соотносительную ситуацию; (в) парный

НСВ нужен тогда, когда мы хотим отказаться от какого-то смысла, передаваемого СВ [Зельдович 2012: 30]. Все остальные особенности употребления видов с той или иной степенью опосредованности, с точки зрения автора, предопределяются перечисленными постулатами и имеющими независимое обоснование прагматическими правилами. Согласно Г.М. Зельдовичу, единичность означает, что всякая ситуация единична: есть лишь один интервал, о котором говорится в ситуации. Если присутствует одно множество, то возникают три основных употребления совершенного вида: цепное, перфектное и квазиперфектное.

1. Цепная интерпретация предполагает наличие соотносительной ситуации: *Я уже спал. Вошёл и включил свет. Потом сказал: Не прикидывайся* [Андрей Геласимов. *Нежный возраст (2001)*] (здесь и далее приведены примеры Г.М. Зельдовича).

2. Перфектная интерпретация заключается в том, что сообщается о каком-то изменении мира и одновременно обращается внимание на состояние мира в момент речи. Это вызвано именно сохранностью каких-то эффектов действия, отсюда иллюзия тождества между результатом и перфектом: *Я съездил в это село и встретился со священником, отцом Саурматом, который специально прилетел из Москвы, встревоженный этим известием* [Дмитрий Беляков. «*Made in USA! Жри!*» // «Русский репортер», № 31 (61), 21-28 августа 2008, 2008]

Прагматически самым доступным интервалом в понимании является момент речи, благодаря которому возникает перфектное значение совершенного вида [Зельдович 2012: 55].

3. Квазиперфектная интерпретация указывает, что ситуации не связана с моментом речи, а расположена именно во времени после ситуации. Эта интерпретация является прагматически более доступной и достаточно интересной для говорящего и адресата, а стало быть, именно она, и должна систематически выбираться. Квазиперфектное употребление возникает при отсутствии временной локализации. Соотносительная ситуация отсутствует. Ею можно было бы признать момент речи. Естественно предпочтение отдается ситуации-результату. Это объяснимо с прагматической точки зрения, так как мы склонны говорить о событиях, когда нас интересует результат. Большинство глаголов совершенного вида своей индивидуальной семантикой указывают на вполне определенный и характерный результат.

Несовершенный вид получает у Г.М. Зельдовича весьма оригинальную трактовку: несовершенный вид способен называть гомогенную часть соответствующего сценария. По мнению Г.М. Зельдовича, ситуация, обозначенная несовершенным видом повторима всегда, причем требуется не просто мышления о многих повторениях, но реальные повторения. Более привычное действие всегда называется несовершенным видом, который указывает на принципиальную множественность ситуаций. Представление о множественности ситуаций жестко зафиксировано в семантике несовершенного вида, даже если не ради сообщения о многократности, то данное действие

мыслится как многократное. Употребление несовершенного вида в дуративном (процессуальном) контексте требует наличия одновременной ситуации: *Калифорнийской газете «Пятница-экспресс» он, бедный, пишет: «Я писал, а меня не печатали [Лев Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)].*

Актуально-длительное значение существует вне всякого вида. Несовершенный вид только не противоречит ему. Несовершенный вид подверстывает множество ситуаций под один стереотип: *Книжку эту я купил и потом прочел, и нашел ее вовсе не столь «невинною» [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1877. Год II-й (1877)].*

Г.М. Зельдович против субъектной или объектной ориентированности видов. Имперфектное значение заключается в том, несовершенный вид характеризуется ориентацией на неактуальность результата или давность события. Таксисные отношения несовершенного вида (*Когда Иван обедает, читает газету.*) означают одновременность. Несовершенный вид оставляет часто нас в неведении относительно таксисных отношений: *Когда цены повышаются, все возмущены.*

Неоднозначность и противоречивость трактовок семантических нюансировок аспектуальных пар глагола связано в том числе и с облигаторностью этой грамматической категории. «Употребляя в предложении глагол, мы должны употребить его в форме СВ или НСВ – даже если мы не имеем в виду передать ни один из тех смыслов, которые могут выражаться категорией вида [Зализняк, Шмелёв 2007: 10].

Особая сложность в интерпретации семантических оттенков видовых корреляций носителями языка связана с тем, что грамматические значения в сравнении с лексическими значениями характеризуются «несамостоятельностью», автоматизмом выражения, пониженной осознаваемостью (интенциональностью) в сравнении с лексическим значением. Они лишь сопутствуют лексическим значениям и оформляют их, не становясь отдельным предметом мысли. С.Д. Кацнельсон отмечает, что «владение грамматическими формами характеризуется иной когнитивной модальностью. Хотя выражение мысли и ее понимание совершается при посредстве грамматических форм, в фокусе внимания участников речевого общения находится лишь вещественное содержание речи. Функции грамматических форм осознаются лишь совместно с полнозначными словами и при их посредстве. Толкование грамматических форм в отдельности представляет для говорящих значительные трудности. Оно становится возможным лишь тогда, когда грамматический строй становится объектом научного познания» [Кацнельсон 1972: 114–115]. Всё сказанное в полной мере относится к категории вида.

С целью исследования чувствительности носителей языка к смысловым различиям видовых оппозиций был проведён эксперимент. В эксперименте приняли участие 20 магистрантов по направлению «Лингвистика». Задание для проведения эксперимента было сформулировано следующим образом:

Прочитайте реплики и определите, где уместен а) глагол только СВ; б) глагол только НСВ; в) оба глагола. Там, где можно использовать оба глагола, прокомментируйте смысловое различие, если оно есть.

В качестве стимульного материала выбрано 8 минимальных контекстов, которые не содержат эксплицитных маркеров вида (например, указание на кратность действия, наличие результата и т.п.) и в которых возможно употребление как СВ, так и НСВ. Контексты позволяют установить дифференциальные признаки каждой из видовых пар в том случае, если эти признаки распознаются испытуемыми (далее – Ии.).

Рассмотрим предложенные для эксперимента контексты с комментариями Ии.

1. – Самовар украли.

– Кто КРАЛ/УКРАЛ?

Типичен СВ, но НСВ подразумевает повторяемость действия, представляет действие как нечто само собой разумеющееся. Как пишет Г.М. Зельдович, «НСВ хорош, если только это диалог двух воров из шайки, потому что для них кража – заурядная, каждодневная вещь» [Зельдович 2012: 82].

Комментарии Ии.:

Для НСВ

1. Кто и как самовар крал, никто не видел.
2. Кроме самовара украдено что-то ещё, действие продолжалось долго.
3. Акцент на факт, свершившееся действие.
4. Одноразовое действие. Украл, и всё.
5. Неважно, кто, а важно, что самовара нет.
6. Повторяющееся действие (2 ответа).
7. Крал на протяжении долгого времени.

Для СВ

1. Вопрос про самовар непосредственно.
2. Человек крал на протяжении какого-то времени только самовары.
3. Вора застали на месте преступления.
4. Однократное действие (2 ответа).
5. Самовара нет.

2. – Пойдём завтра в кино?

– Нет, завтра я ПОЕДУ/ЕДУ в Москву.

НСВ передаёт неотвратимость события, его обязательность. М.Я. Гловинская связывает употребление вида в сходных контекстах в категорией вежливости. По её мнению, более вежливым должен считаться вариант с НСВ как *существенная* причина отказа в силу неотвратимости предстоящего действия.

С категорией вежливости связан мотив «давности» в контексте *Я у вас деньги на прошлой неделе ОДОЛЖИЛА/ОДАЛЖИВАЛА*. По И.Б. Шатуновскому [Шатуновский 1996: 328], НСВ вежливее здесь потому, что предполагает обратное (открытое, незаконченное) действие. Однако можно объяснить иначе: НСВ указывает на давность события; если же должник сам

признает давность долга, то это звучит деликатнее, ибо скорее значит, что он осознает необходимость долг вернуть.

Комментарии Ии:

Здесь недостаточно контекста.

Для НСВ:

1. *Точно сбудется.*
2. *Более вероятно, например, есть билет.*
3. *Планы на ближайшее время.*
4. *Звучит более определенно, как будто все спланировано в деталях (билет уже куплен, встреча обговорена и т.п.).*
5. *Я уже точно еду, этого ничто не изменит.*

Для СВ:

1. *Действие не запланировано.*
2. *Действие есть в планах.*
3. *Планирую поехать.*

3. – Я СВАРЮ/БУДУ ВАРИТЬ суп. Купи, пожалуйста, лук.

СВ привлекает внимание к результату предстоящего действия, а НСВ служит, чтобы подчеркнуть интерес говорящего к тому, что есть или будет перед тем, как действие состоится. Скорее всего значит, что СВ свидетельствует о том, что лук будет добавлен уже в готовый суп, а НСВ – что лук будет добавляться в суп в ходе его варки.

Комментарии Ии.:

Для НСВ:

1. *Не факт, может, и не сварю, потому что устану.*
2. *Не точные по срокам планы, лук на самом деле, может, и не понадобится.*
3. *Планирую варить.*
4. *Я буду варить суп в любом случае, но с луком будет лучше.*
5. *К твоему приходу я буду находиться в процессе приготовления супа.*
6. *Упор на процесс, а лук нужен как ингредиент.*
7. *Буду варить суп на протяжении какого-то времени; возможно, не получится с первого раза и придётся варить снова.*
8. *Не хватает ингредиентов.*

Для СВ:

1. *Большая доля уверенности, что суп будет.*
2. *Точно будет итог, острая необходимость в ингредиенте.*
3. *Точно сделаю.*
4. *Я сварю, если ты купишь лук.*
5. *К твоему приходу я уже сварю суп.*
6. *Как будто лук нужен будет в дополнение к супу (как хлеб, например), а не в качестве ингредиента.*
7. *Я его точно сварю, я точно знаю, что он будет вкусный, и мне ничто не мешает его сварить.*
8. *Решение на месте в значении «Дай-ка сварю я суп».*

4. – Ивана УВОЛЯТ/БУДУТ УВОЛЬНЯТЬ. Ему нужно помочь.

В этом контексте внимание привлечено к результату действия (СВ), после которого Ивану потребуется помощь, а НСВ подчёркивает, что нужно помочь во время протекания действия.

Комментарии Ии.:

Для НСВ

1. Незаслуженно, вызывает сочувствие.
2. Увольнение пока ещё под вопросом.
3. Собираются уволить.
4. Собираются, думают о том, чтобы уволить, но не в ближайшее время.
5. Есть шанс, что Иван избежит увольнения, если мы ему поможем.
6. Будут увольнять в будущем.
7. Собираются в планах.
8. будущее Ивана предрешено, но еще точно неизвестно, когда увольнение произойдет.
9. Однократное действие.
10. Невозможно увидеть данное действие в процессе.
11. Продолжительное действие, создаётся впечатление, что процесс будет длительным.
12. Т.е. всё никак не уволят, как будто собираются всем офисом и часами его будут увольнять.
13. Процесс увольнения займёт время: нужно подготовить документы, сообщить об этом Ивану и т.д.

Для СВ

1. Если уволят, помощь будет бессильна.
2. Заслуженно, за проступок, как наказание.
3. Его уже точно уволят, документы готовы, этого не изменить.
4. Непродолжительное действие, указывающее на моментальный результат.
5. Точно уволят (3 раза)
6. Будет в ближайшее время точно.
7. возможно в качестве угрозы или предположения (например, коллега говорит Ивану, что за некий проступок его уволят)
8. Уволят точно в ближайшее время, документы и т.д. готовы.

5. – Я СВАРИЛА/ВАРИЛА суп. Пусть Иван ест!

При СВ можно понимать, что суп сварен специально для Ивана, а НСВ вероятность такой интерпретации существенно снижает, и возникает эффект «давности», которая в данном случае принимает вид временной разобщенности между варкой супа и приглашением, чтобы Иван ел. Но здесь возможна и другая интерпретация: акцент на процессуальности (трудовых и временных затратах) приводит к усилению долженствования (*Я потратила время, поэтому Иван ДОЛЖЕН есть*).

Комментарии Ии.:

Для НСВ

1. Потратила много времени.
2. Подчеркивает, что именно она приготовила.
3. Суп не готов.
4. Я варила суп давно, возможно, он остыл //Я варила суп, но меня прервали либо я была в процессе, поэтому не могла ответить, например, на звонок.
5. Упрек Ивану («Я же старалась, варила, а он не ест!»)
6. Процесс, супа нет.
7. Нет завершенности действия.
8. Важно показать процесс: я варила, устала.

Для СВ

1. Завершённое действие, суп есть.
2. Завершённость действия, которая важна для данной речевой ситуации.

3. Суп приготовлен, позов к столу.
4. Суп сварен, Иван может его есть.
5. Суп готов, Ивану есть, чем пообедать.
6. Суп на плите уже.
7. Только что закончила.
8. Суп готов.
9. Суп уже готов, его можно есть, но он ещё горячий (сварила недавно).

6. – Я СВАРИЛА/ВАРИЛА вкусный суп.

Здесь контекст привлекает внимание к результату словом *вкусный*, поэтому требуется СВ: «семантика видов находит себе точку опоры в понятии результата» [Карцевский 1972: 220]. НВ поддерживает мотив «давности» («были такие времена, когда я варила вкусный суп»).

Комментарии Ии.:

В зависимости от смысла говорящего; быть может, суп получился вкусным после того, как его сварили, а вдруг она его уже много раз варила и знала, что он в любом случае вкусный.

Недостаточно контекста (можно рассматривать и как процесс, и как результат).

Для НСВ

1. Тут надо добавить ещё какое-то действие. Например: Я варила вкусный суп и тушила мясо.
2. Процесс был, но результат не соответствует ожиданиям.
3. Результат неизвестен, возможно, суп в результате по каким-то причинам был испорчен.
4. Финального результата может и не быть, суп вышел невкусный, и она его вылила.
5. Раньше суп был вкусный, а теперь нет ☹.
6. Варила когда-то раньше и сейчас супа нет.
7. Действие не закончено.
8. Варила вкусный суп, а получился он не очень.

Для СВ

1. Суп получился вкусным.
2. Суп уже на плите.
3. Я варила суп, а получился вкусный, какая радость!
4. Суп готов, он действительно вкусный.
5. Есть финальный результат: кастрюля вкусного борща.
6. Сейчас есть вкусный суп.

7. – Кто ПОДАРИЛ/ДАРИЛ тебе эти туфли?

Конструкция с НСВ поддерживает мотив «давности» (туфли подарены давно). Если же мотив «давности» исключить, то подразумевается, что результата – наличия туфель – как бы нет, тем самым означая, что говорящему туфли не нравятся. Аналогично обстоит с фразой *Кто эти билеты купил?*, где результата (возможно, из-за неудобства мест) тоже как бы нет и сказанное приобретает характер упрека. Аналогично в примерах вроде *А я тебя предупредил*, где также подразумевается отсутствие результата при том, что он должен был бы быть.

Комментарии Ии.:

Для НСВ

1. Акцент на времени.
2. Продолжительное действие.
3. Несколько пар туфель.

4. *вопрос с целью предпринять какие-то действия. Например, нужно купить новые туфли, хочется взять такие же, как старые. Тогда вопрос «Кто дарил тебе эти туфли?» подразумевает, что мы можем, например спросить у этого человека, где он покупал туфли или за какую сумму.*
5. *Можно использовать в значении «на протяжении какого-то времени».*
6. *Кто-то один дарил разные туфли на протяжении какого-то времени//Несколько человек подарили одни и те же туфли.*
7. *Многократное действие как процесс, т.е. бесконечно дарил.*

Для СВ

1. *Туфли уже у девушки есть и их видно.*
2. *Одноразовое действие.*
3. *Однократное действие, т.е. подарок на руках.*
4. *Кто-то один подарил какие-то одни туфли.*
5. *Акцент на том, Кто подарил.*
6. *Одна пара туфель.*
7. *Вопрос исключительно из любопытства («какие красивые туфли, кто их тебе подарил?») или ревности («Дорогая моя, это тебе кто такие туфли подарил?!»)*

8. – Зачем я университет ЗАКОНЧИЛА/ЗАКАНЧИВАЛА?

Само по себе окончание университета и получение диплома является результатом, который сохраняет актуальность на протяжении всей жизни. Отказ видеть этот результат можно толковать только как отсутствие иного, менее очевидного, не столь типичного, но важного в данном контексте результата (например, отсутствие чьего-то уважения, невозможность устроиться на работу, маленькая зарплата и т.д.).

«Зеркальным» примером может быть ситуация, когда учитель дал детям разные задания и интересуется, *Кто ГОТОВИЛ/ПРИГОТОВИЛ стихи Пушкина?* Вопрос с СВ прозвучит жестче и строже, а с НСВ мягче. Эти ситуации обсуждаются у Г.М. Зельдовича [Зельдович 2012: 68]. Так происходит, поскольку здесь практически исключен мотив «давности», поэтому оппозиция СВ и НСВ поддерживается открыто выраженным интересом к результату или отсутствием такого интереса. Разумеется, не проявлять интереса к результату намного деликатнее.

Комментарии Ии.:

Для НСВ

1. *Мой диплом не приносит пользы.*
2. *Процесс: заканчивал-заканчивал, да всё никак не закончил, диплома нет.*
3. *Зачем я заканчивал университет? Это было пустой тратой времени. Я же ничего не знаю!*
4. *В вопросе боль от осознания бесцельно потраченных сил и времени.*
5. *Эмоциональный оттенок: сдавал много экзаменов, тратил много сил, а всё для чего?*

Для СВ

1. *Жалеет о том, что закончила учёбу.*
2. *Я хочу учиться ещё.*
3. *Может быть надо было продолжить обучение?*
4. *Подразумевается, что были и другие (лучшие) варианты – например, не заканчивать университет, а пойти работать или уехать куда-либо.*
5. *Зачем я закончил университет? Надо было поучиться ещё.*
6. *Завершённое действие, есть диплом.*

Ответы Ии. по каждому из контекстов систематизированы в таблице 1.

Таблица 1. Результаты эксперимента.

-	Ответы Ии. в %			
	«Возможен глагол только одного вида»	«Возможны оба глагола, нет существенной разницы в значении»	«Возможны оба глагола, разница есть, но объяснить трудно»	Наличие комментариев
1. – Самовар украли. – Кто КРАЛ/УКРАЛ?	СВ 45%	10%	10%	35%
2. – Пойдём завтра в кино? – Нет, завтра я ПОЕДУ/ЕДУ в Москву.	-	60%	15%	25%
3. – Я СВАРЮ/БУДУ ВАРИТЬ суп. Купи, пожалуйста, лук.	НВ 10%	40%	10%	40%
4. – Ивана УВОЛЯТ/ БУДУТ УВОЛЬНЯТЬ. Ему нужно помочь.		20%	10%	70%
5. – Я СВАРИЛА/ВАРИЛА суп. Пусть Иван ест!	СВ 40%	10%	5%	45%
6. – Я СВАРИЛА/ВАРИЛА вкусный суп.	СВ 10%	25%	25%	40%
7. – Кто ПОДАРИЛ/ДАРИЛ тебе эти туфли?	СВ 30%	25%		35%
8. – Зачем я университет ЗАКОНЧИЛ/ЗАКАНЧИВАЛ?	СВ 20% НСВ 20%	15%	15%	30%

Привлечённые в качестве экспериментального материала контексты обнаруживают, что обстоятельства, влияющие на выбор НСВ и СВ, чрезвычайно субъективны. В целом полученные от Ии. комментарии условно можно разделить на несколько групп.

Группа 1. Контекст оценивается Ии. как связанный только с одной формой (контексты 1, 5, 7, 8).

Группа 2. Различие между формами не осознаётся (контексты 2, 3, 7).

Группа 3. Различие между формами устанавливается, но комментарий отсутствует в силу пониженной осознаваемости грамматического значения (контексты 2, 6, 8).

Группа 4. Интерпретация выбора квалифицируется как неожиданная и не поддерживаемая большинством носителей языка. Примеры приводятся ниже (номера экспериментальных контекстов сохранены!):

1. – Самовар украли.
– Кто КРАЛ/УКРАЛ?

1. Кто и как самовар крал, никто не видел.
2. Человек крал на протяжении какого-то времени только самовары.
3. Вора застали на месте преступления.

3. – Я СВАРЮ/БУДУ ВАРИТЬ суп. Купи, пожалуйста, лук.

1. Я его точно сварю, я точно знаю, что он будет вкусный, и мне ничто не помешает его сварить.
2. Решение на месте в значении «Дай-ка сварю я суп».

4. – Ивана УВОЛЯТ/БУДУТ УВОЛЬНЯТЬ. Ему нужно помочь.

1. Незаслуженно, вызывает сочувствие.
2. Есть шанс, что Иван избежит увольнения, если мы ему поможем.
3. Если уволят, помощь будет бессильна.
4. Заслуженно, за проступок, как наказание.

5. – Я СВАРИЛА/ВАРИЛА суп. Пусть Иван ест!

1. Подчёркивает, что именно она приготовила.
2. Я варила суп давно, возможно, он остыл // Я варила суп, но меня прервали, либо я была в процессе, поэтому не могла ответить, например, на звонок.
3. Упрек Ивану («Я же старалась, варила, а он не ест!»)
4. Суп уже готов, его можно есть, но он ещё горячий (сварила недавно).

7. – Кто ПОДАРИЛ/ДАРИЛ тебе эти туфли?

1. Несколько пар туфель.
2. Вопрос с целью предпринять какие-то действия. Например, нужно купить новые туфли, хочется взять такие же, как старые. Тогда вопрос «Кто дарил тебе эти туфли?» подразумевает, что мы можем, например, спросить у этого человека, где он покупал туфли или за какую сумму.
3. Кто-то один дарил разные туфли на протяжении какого-то времени//Несколько человек подарили одни и те же туфли.
4. Многократное действие как процесс, т.е. бесконечно дарил.
5. Вопрос исключительно из любопытства («какие красивые туфли, кто их тебе подарил?») или ревности («Дорогая моя, это тебе кто такие туфли подарил?!»)

Группа 5. Интерпретация носит формальный (искусственный), а не объяснительный характер, поскольку опирается на категориальное значение вида, известное из курса грамматики (наличие/отсутствие результата, однократность/многократность действия). Примеры:

1. – Самовар украли.

– Кто КРАЛ/УКРАЛ?

1. Акцент на факт, свершившееся действие.
2. Одноразовое действие. Украл, и всё..
3. Повторяющееся действие (2 ответа).
4. Крал на протяжении долгого времени.
5. Однократное действие (2 ответа).

3. – Я СВАРЮ/БУДУ ВАРИТЬ суп. Купи, пожалуйста, лук.

1. К твоему приходу я буду находиться в процессе приготовления супа.
2. Буду варить суп на протяжении какого-то времени; возможно, не получится с первого раза и придётся варить снова.

4. – Ивана УВОЛЯТ/БУДУТ УВОЛЬНЯТЬ. Ему нужно помочь.

1. Однократное действие.
2. Невозможно увидеть данное действие в процессе.

3. Продолжительное действие, создаётся впечатление, что процесс будет длительным.

4. Т.е. всё никак не уволят, как будто собираются всем офисом и часами его будут увольнять.

5. Процесс увольнения займёт время: нужно подготовить документы, сообщить об этом Ивану и т.д.

6. Непродолжительное действие, указывающее на моментальный результат.

5. – Я СВАРИЛА/ВАРИЛА суп. Пусть Иван ест!

1. Потратила много времени.

2. Суп не готов.

3. Процесс, супа нет.

4. Нет завершенности действия.

5. Важно показать процесс: я варила, устала.

6. Завершенное действие, суп есть.

11. Суп на плите уже.

7. – Кто ПОДАРИЛ/ДАРИЛ тебе эти туфли?

1. Акцент на времени.

2. Продолжительное действие.

3. Можно использовать в значении «на протяжении какого-то времени».

4. Многократное действие как процесс, т.е. бесконечно дарил.

5. Туфли уже у девушки есть и их видно.

6. Одноразовое действие.

7. Однократное действие, т.е. подарок на руках.

8. Кто-то один подарил какие-то одни туфли.

8. – Зачем я университет ЗАКОНЧИЛА/ЗАКАНЧИВАЛА?

1. Процесс: заканчивал-заканчивал, да всё никак не закончил, диплома нет.

2. Завершенное действие, есть диплом.

Группа 6. Комментарии, позволяющие говорить о хорошо развитом чувстве родного языка.

2. – Пойдём завтра в кино?

– Нет, завтра я ПОЕДУ/ЕДУ в Москву.

1. Точно сбудется

2. Более вероятно, например, есть билет.

3. Звучит более определенно, как будто все спланировано в деталях (билет уже куплен, встреча обговорена и т.п.).

4. Я уже точно еду, этого ничто не изменит.

3. – Я СВАРЮ/БУДУ ВАРИТЬ суп. Купи, пожалуйста, лук.

1. Я буду варить суп в любом случае, но с луком будет лучше.

2. Не хватает ингредиентов.

3. Как будто лук нужен будет в дополнение к супу (как хлеб, например), а не в качестве ингредиента.

6. – Я СВАРИЛА/ВАРИЛА вкусный суп.

1. Процесс был, но результат не соответствует ожиданиям.

2. Раньше суп был вкусный, а теперь нет ☹.

3. Суп уже на плите.

4. Я варила суп, а получился вкусный, какая радость!

5. Есть финальный результат: кастрюля вкусного борща.

6. Сейчас есть вкусный суп.

8. – Зачем я университет ЗАКОНЧИЛА/ЗАКАНЧИВАЛА?

1. Эмоциональный оттенок: сдавал много экзаменов, тратил много сил, а всё для чего?
2. Жалеет о том, что закончила учёбу.
6. Я хочу учиться ещё.
7. Может быть, надо было продолжить обучение?

Комментируя полученные результаты, мы должны заметить, что для экспериментов были выбраны неравноценные контексты. Некоторые из них получили сугубо субъективные комментарии (контексты 1, 7). Контексты 2 и 4 оказались простыми и трактуемыми всеми Ии. примерно одинаково. Важно, что Ии. выразили желание уточнить коммуникативную ситуацию предлагаемых контекстов (такие ответы составляют около 10%).

На эту субъективность при выборе вида обращается внимание во всех прагматически ориентированных интерпретативных концепциях (в том числе, упоминаемых в рамках настоящей работы). Интерпретация наличия/отсутствия результата, его актуальность/неактуальность зависит от множества контекстных и конситуативных факторов. Объяснить действующие закономерности должна лингвистика текста или ориентированная на лингвистику текста аспектология. Идея о том, что выбор вида зависит от «различных потребностей» высказывалась ещё В. Матезиусом, который ввёл в лингвистику понятие *конкуренция видов*. Ю.С. Маслов говорит о конкуренции видов, когда выбор определяется «субъективной точкой зрения говорящего» [Маслов 2004: 104].

Расширение интересов лингвистики не вступает в противоречие с фундаментальными принципами структурализма, с пониманием языка как системы систем, но соотносит эти знания с другими гуманитарными знаниями о *homo loquense*. Примерно равная приемлемость СВ и НСВ в некоторых контекстах вовсе не означает, что не остается места для тонких предпочтений, которые еще предстоит изучить.

Список литературы

- Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. М.: Наука, 1988. 238 с.
- Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.
- Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 616 с.
- Гловинская М. Я. Теоретические проблемы видо-временной семантики русского глагола: автореф. дис... доктора филол. наук. 10.02.01. Москва, 1986. 37 с.
- Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента: монография. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.
- Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Лекции по русской аспектологии. Мюнхен, 2007. 148 с.
- Зельдович Г. М. Прагматика грамматики. М.: Языки славянских культур. 2012. 648 с.
- Зинченко В. П. Психологическая педагогика: материалы к курсу лекций. Часть I. Живое Знание. Самара, 1998. 216 с.

Карцевский С. И. Система русского глагола // Вопросы глагольного вида. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 218–230.

Кацнельсон С. Д. Типология языка и языковое мышление. Л.: Наука, 1972. 231 с.

Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996. С. 143–184.

Маслов Ю. С. Система частных видовых значений и типы противопоставлений совершенного и несовершенного вида // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 94–110.

Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). Москва: МАКС Пресс, 2009. 208 с.

Русская грамматика. Том 1. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. М.: Наука, 1980. 783 с.

Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова. Значение. Коммуникативная перспектива. Прагматика. М.: Языки славянской культуры, 1996. 404 с.

THE GRAMMATICAL CATEGORY OF VERB ASPECTUALITY: TO THE INTERPRETATION OF SEMANTICS

S.V. Mktytchian

The aspect of the Russian verb is considered from the point of view of modern linguistic theories based on interpretative approach involving pragmatic context. This approach extends the boundaries of systemic linguistics. The article discusses complicated instances of aspect semantization. These are illustrated with experimental data.

Keywords: grammatical category, aspectology, verb aspect, interpretative approach, aspect concurrence, subjectivity, implicitness, experiment